

Пролог Часть III: Лилия под любым другим именем

Тихий хлопок раздался в заснеженном переулке под темно-синим небом. Взмах мягкого лазурного плаща поднял в воздух шквал белого снега с того места, где он упал на каменную улицу. Девушка подняла капюшон, подбитый мехом и расшитый серебром. Пушистые снежинки спокойно падали вокруг ведьмы, пока она пыталась сориентироваться после своих странствий. Приготовленная палочка, которую она держала в руке, волочилась по воздуху, пока новоприбывшая проверяла свое окружение. Затем последовали сложные чары, которые должны были предупредить ее о враждебных намерениях, поселившихся за границами города.

Подняв голову, она увидела, что ночные звезды начинают тускло мерцать: до окончания времени оставалось совсем немного. Ее ждали в другом месте, но она чувствовала необыкновенную тягу к этому чужому месту. Женщина научилась доверять таким влечениям.

Была зима, поэтому ночь наступала рано и с нетерпением. Однако женщина полагала, что именно этот час, наступающий после ужина, дает ей монополию на передвижение по улицам. Она была благодарна за это.

Элегантно одетая иностранка начала степенно прогуливаться, ее изящные ноги грациозно и уверенно ступали по заснеженной каменной кладке, из которой состоял переулок. По обеим сторонам дороги выстроились коттеджи, некоторые из них были украшены рождественскими украшениями, а другие стояли мрачные и неприветливые. Она задрожала, плотнее натягивая на себя плащ. Ни она, ни ее семья никогда не любили холода. Она целеустремленно направилась к светящемуся фонарю в конце переулочка, манящему ее в центр деревни.

Ступив в приглушенный золотистый свет фонаря, она увидела длинную тень на чистом снегу слева от себя. Ее шаги замедлились. Горло сжалось, и рука, не сжимавшая плащ, скользнула к животу, где образовалась острая впадина.

Небольшая площадь была освещена тихо плещущимся пламенем ламп. Несколько магазинов выходили на центральную улицу города. Слева от нее находилось почтовое отделение, справа - паб, а напротив - маленькая церковь с витражами, освещенными свечами. Но что остановило девушку на месте, так это мемориал, возвышавшийся в центре города. Свет мерцал достаточно далеко, чтобы частично осветить потемневшую статую. Снег вокруг памятника был утрамбован, большие и маленькие шаги замусоривали тротуар.

Ноги двигались вперед, казалось, по собственной воле, приближая даму в плаще к объекту, который привлек ее внимание. На самом деле это была простая вещь. Три человека, изображенные из камня: мужчина со знакомыми неопрятными волосами и в очках. Женщина с длинными волосами и улыбкой на лице... и ребенок, сидящий у нее на руках. В ямках и углублениях вдоль изгибов памятника скапливались маленькие кусочки снега. На платформе мемориала вокруг ног фигуры были любовно разложены письма, приклеенные магией, чтобы противостоять ветру.

Одно из таких писем, написанное неуверенным, дрожащим почерком, привлекло внимание женщины. «Спасибо, - говорилось в нем, - маме не придется больше прятаться на Рождество». В воздухе повис туман от дыхания женщины, о котором она раньше и не подозревала. Ее взгляд переместился с букв на скульптурное лицо ребенка. Осторожно, медленно, она протянула руку. Длинные пальцы коснулись холодного камня так же мягко, как падающие на него снежинки.

Убрав руку обратно в тепло плаща, она снова отправилась в путь, огибая резьбу. Она шла по изгибу, пока путь к церкви не стал свободен. Она была небольшой, с занесенной снегом крышей, которая постепенно переходила в остроконечный шпиль. Однако церковь не была ее целью. Сбоку от нее находились небольшие кованые ворота для поцелуев. За ними - тихое кладбище.

Легким толчком ворота открылись. Снег здесь лежал толстым слоем на грязи и был нетронут. Женщина призраком пронеслась по белой земле, а вокруг нее все еще падали снежные хлопья. Пустота внутри нее, казалось, росла в черноте ночи.

Взмах палочки осветил окружающее пространство, и наступило легкое облегчение. В тусклом свете заклипания на надгробиях появились имена. Она подошла ближе к ближайшим к церкви надгробиям, витражи которых при свечах расцветивали снежные надгробия ослепительным разноцветьем. Изучение надгробий, залитых многоцветным светом, не оставило ее в покое. Она углубилась в черноту кладбища, не тронутую теплым светом церкви. Надгробие из белого мрамора остановило ее шаги. Казалось, оно по собственной воле сияет в ночи.

Руки женщины медленно поднялись, чтобы откинуть капюшон плаща с плеч. Снежинка пронеслась по ее глазам и приземлилась на щеку. Слегка согнувшись в талии, женщина проследила за именами, высеченными на надгробии. Имена людей, которых она никогда не встречала. Имена людей, которых она никогда не встретит, не узнает и не полюбит. Гарри тоже никогда не узнает.

Как плотина, прорвалась пустота, которая сначала образовалась в желудке, а затем переместилась в грудь. И Флер Делакур заплакала.

Горячие слезы быстро остывали на ее щеке, смешиваясь с приставшим к ней льдом. С осторожностью Флёр опустилась на землю перед могилой родителей Гарри. Там, в темной части кладбища, не освещенной огнями витражей, Флер опустилась на колени, расстелив вокруг себя плащ.

Холод, проникающий в колени, успокаивал ее. Привел ее в порядок. Она пришла сюда с определенной целью и была полна решимости довести ее до конца. В конце концов, это была ее первая встреча с родителями партнера.

«Бонжур, - прошептала она, нарушив ночную тишину. «Нет, подождите», - пробормотала она, качая головой. Вздохнув и резко дернув головой вверх, Флер взяла себя в руки. «Здравствуйте, меня зовут Флер Делакур, и я...» Она сделала паузу, пораженная внезапной неуверенностью,

которая вызвала немалый дискомфорт от ее появления. Она не привыкла к подобным чувствам, поскольку всегда была решительной от природы. Ее взгляд скользнул по надгробию, когда она серьезно обдумывала свои дальнейшие слова.

Ее глаза, сосредоточенные на руках, крепко сцепленных на коленях, вновь устремились на имена, написанные на надгробном камне. Ее напряжение ослабло, а поведение смягчилось. Переведя дыхание, она снова начала: «И я люблю вашего сына». Слова словно сами собой сорвались с ее языка и пропитали воздух теплым порывом дыхания. Флер обдумывала свои дальнейшие действия.

«Мы познакомились на четвертом курсе. Он был таким... - Флер подыскивала нужные слова, - очаровательным мальчиком», - с нежностью закончила она. «Когда я впервые увидела его, я была уверена, что он не знает, что такое расческа», - она нежно рассмеялась, и звук поглотила ночь вокруг нее. Снежинки продолжали свой колышущийся спуск.

«Иногда, когда он только просыпается, у него прямо из головы торчит шлейф волос, - заговорщически улыбнулась Флер, - я называю это петушиным хвостом». Она закрыла глаза, вспоминая бесчисленные утра, проведенные в постели с Гарри, проводя пальцами по его спутанным локонам, ненадолго расправляя их, но они снова поднимались вверх и расправлялись, когда проходила ее рука. Ее губы искривились в нежной улыбке. В груди стало легче, появилось чувство облегчения.

«Поначалу мы не ладили, - призналась она, - я не была... хорошим человеком, когда мы впервые встретились». Флер сделала дрожащий вдох. «Я была молода и горда, но он всегда был добр ко мне. Постепенно я поняла, что недовольна тем, кто я есть. Тем, кем я позволила себе стать». Флер смотрела в ночь, наблюдая, как белый порошок уносится вихрями от дуновения ветра. «У вашего сына такая добрая душа», - тихо прошептала она.

Переведя взгляд на собеседника, она сделала паузу.

«Он так свободно отдает себя и так просто прощает. Я многому у него научилась».

<http://tl.rulate.ru/book/117297/4672177>